

# **«Слово о полку Игореве»**

Читаем и переводим

Не лѣпо ли ны вѣшеть, братиѣ, наугати старыми словесы трудныхъ повѣстии о пѣкѣ Игоревѣ, Игоря Святъ-славича? Наугати же сѣ тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышлению Бояню.

Боганъ бо вѣщии, аще кому хотѣше пѣснь творити, то растѣкашется мыслию по древу, сѣрымъ вѣлкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы, помнашетъ бо, рече, пѣрвыхъ временъ усобицѣ. Тогда пущашеть 10 соколовъ на стадо лебедѣи, которыи дотечаше, та преди пѣснь погаше старому Ярославу, храброму Мстиславу... красному Романови Святъславичю. Боганъ же, братиѣ, не 10 соколовъ на стадо лебедѣи пущаше, нѣ свога вѣщиа прѣсты на живага струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокоташу.

Не пристало ли нам, братья, начать старыми словами печальные повести о походе Игоревом, Игоря Святославича? Пусть начнется же песнь эта по былям нашего времени, а не по замышлению Бояна!

Боян же вещей, если хотел кому песнь воспеть, то растекался мыслию по древу, серым волком по земле, сизым орлом под облаками. Помнил он, говорят, прежних времен усобицы. Тогда пускал десять соколов на стаю лебедей, и какую лебедь настигали — та первой и пела песнь старому Ярославу, храброму Мстиславу... прекрасному Роману Святославичу. Боян же, братия, не десять соколов на стадо лебедей напускал, но свои вещие персты на живые струны воскладал, а они уже сами славу князьям рокотали.

*(Перевод Д. С. Лихачева)*

Тогда Игорь възрѣ на свѣт-  
лое солнце и видѣ отъ него  
тьмою вса своа бога прикрѣ-  
ты. И рече Игорь къ дружинѣ  
своеи: «Братие и дружино! Лу-  
це жъ бы потятѣ быти, неже  
полоненѣ быти, а всадемъ,  
братие, на свои брѣзгыа комо-  
ни да позримъ синего Дону».  
Спала князю умъ похоти, и жа-  
лость ему знамение заступи  
искусити Дону Великаго. «Хощу  
бо, — рече, — копие приломити  
конецъ поля Половецкаго; съ  
вами, русичи, хощу главѣ свою  
приложити, а любо испити ше-  
ломомъ Дону». <...>

Тогда вѣступи Игорь князь  
въ златъ стремя и поѣха по  
чистому полю. Солнце ему  
тьмою пѣть заступаше.

Тогда Игорь взглянул на светлое  
солнце и увидел, что оно тьмою  
воинов его прикрыло. И сказал  
Игорь дружине своей: «Братья и  
дружина! Лучше убитым быть, чем  
пленным быть; так сядем, бра-  
тья, на борзых коней да посмотрим  
на синий Дон». Страсть князю ум  
охватила, и желание отведать Дон  
Великий заслонило ему предзнаме-  
нование. «Хочу, сказал, копье пре-  
ломить на границе поля Половецка-  
го, с вами, русичи, хочу либо  
голову сложить, либо шлемом ис-  
пить из Дона». <...>

Тогда вступил Игорь-князь в зо-  
лотое стремя и поехал по чистому  
полю. Солнце ему тьмою пѣть за-  
граждало.

(Перевод Д. С. Лихачева)

На Дунаи Ярославичинъ  
гласъ слышитъ, зегзицею нез-  
наема рано кыуетъ. «Полечу,  
— рече, — зегзицею по  
Дунаеву, омою веврианъ рукавъ  
въ Каялѣ рѣцѣ, утру  
князю кровавыя его раны на  
жестоцѣмъ его телѣ».

Ярославна рано плачетъ въ  
Путивлѣ на забралѣ, аркуну:  
«О вѣтре, вѣтрило! Чему, гос-  
подине, насильно вѣши? Чему  
мчыши хиновскыя стрѣлки  
на своєю нетрудною крилицю на  
моея лады вон? Мало ли ти

На Дунае Ярославнин голос  
слышится, кукушкой безвестной ра-  
но кукует. «Полечу, — говорит, —  
кукушкою по Дунаю, омочу шелко-  
вый рукав в Каяле-реке, оботру  
князю кровавые его раны на могу-  
чем его теле».

Ярославна рано плачет в Пу-  
тивле на забрале, приговаривая:  
«О ветер, ветрило! Зачем, госпо-  
дин, веешь ты наперекор? Зачем  
мчишь хиновские стрелочки на сво-  
их легких крыльицах на воинов мо-  
его лады? Разве мало тебе было

вѣшеть горѣ подѣ облакы вѣати, лелѣюти корабли на синѣ морѣ? Уему, господине, мое веселие по ковѣлию развѣта?»

Ярославна рано плачетъ Путивлю городу на заборолѣ, аркѣи: «О Днепре Словутицю! Ты пробилъ еси каменныя горы сквозѣ землю Половецкую. Ты лелѣалъ еси на себѣ Святослави носады до плѣкѣ Кобякова. Въздлѣли, господине, мою ладу къ мнѣ, а бѣхъ не слала къ нему слезъ на море рано».

Ярославна рано плачетъ въ Путивлѣ на забралѣ, аркѣи: «Свѣтлое и тресвѣтлое слънце! Всѣмъ тепло и красно еси! Уему, господине, простре горающую свою луцю на ладѣ вон? Въ полѣ безводнѣ жаждею имь луци съпраже, тѣгою имъ тѣли затѣе».

под облаками веять, лелея корабли на синем море? Зачем, господин, мое веселье по ковѣлю развеял?»

Ярославна рано плачет на забрале Путивля-города, приговаривая: «О Днепр Словутич! Ты пробил каменные горы сквозь землю Половецкую. Ты лелеял на себе Святославовы лады до стана Кобяка. Возлелей, господин, моего ладу ко мне, чтобы не слала я к нему слез на море рано».

Ярославна рано плачет в Путивле на забрале, приговаривая: «Светлое и тресветлое солнце! Всем ты тепло и прекрасно, зачем же, владыко, простерло горячие свои лучи на воинов лады? В поле безводном жаждой им луки согнуло, горем им колчаны заткнуло».

(Перевод Д. С. Лихачева)